

**ПИСЬМА МАРИАННЫ ДЮВЕРНУА к Е. И. АПРЕЛЕВОЙ
(БЛАРАМБЕРГ)
и «ИНЦИДЕНТ» с НИМИ СВЯЗАННЫЙ**

Публикация Е. М. Варенцовой

Е. И. Апрелева (Бларамберг)
Фотография Д. С. Здобнова
Петербург, 1902 г.

В Отделе рукописных фондов Государственного Литературного музея хранится архив Елены Ивановны Апрелевой (1840–1923), писательницы, подписывавшей свои произведения псевдонимом «Е. Ардов».¹ Почитателям Тургенева она более известна под своей девичьей фамилией — Бларамберг.

Среди бумаг Е. И. Апрелевой-Бларамберг в ГЛМ имеются три письма к ней младшей дочери Полины Виардо — Марианны Дювернуа (1854–1919) о болезни и смерти Тургенева.² Они были написаны в ответ на просьбу Е. И. Апрелевой-Бларамберг сообщать ей о состоянии здоровья писателя. Письма датированы 6 апреля, 5 мая и 18 октября 1883 года. Они были частично опубликованы в русском переводе самой Апрелевой в ее воспоминаниях о Тургеневе, напечатанных в газете «Русские ведомости» в январе 1904 года.³

Публикуя эти письма Марианны Дювернуа, Апрелева опустила ряд фрагментов, касающихся семьи Виардо и, возможно, напрасно, поскольку они ярко характеризуют настроение в семье Виардо, опровергая существующее мнение о холодности и равнодушии Полины Виардо и ее родных к тяжело больному Тургеневу. Поэтому, думается, стоит их здесь привести.⁴

¹ ОРФ ГЛМ. Ф. 3.

² Там же. Оп. 1. № 63. Л. 1–7.

³ Воспоминания Апрелевой публиковались в № 4, 15, 18, 22, 22, 25 газеты за 1904 г. под названием «Из воспоминаний об И. С. Тургеневе». Выдержки из писем Марианны Дювернуа приведены в последнем номере. Фрагменты воспоминаний см. также: И. С. Тургенев в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1983. Т. 2. С. 165–191, однако письма М. Дювернуа в этой публикации опущены.

⁴ Перевод с французского выполнен Е. И. Погорельской. Косыми чертами выделены фрагменты текста, переведенные Е. И. Апрелевой и впервые опубликованные ею в «Русских ведомостях».

6 апреля 1883 г. Париж

50, RUE DE DOUAI
Paris, le 6 avril.

Chère Mademoiselle Hélène.^a

Heureusement que je n'ai pas pu répondre à votre lettre, car à ce moment les nouvelles du pauvre Tourguéneff eussent été peu réjouissantes! il vient de passer deux mois horribles, en proie à de continuelles et violentes souffrances, et je vous assure que nous étions profondément affligés de voir notre pauvre ami dans le triste état sans pouvoir aucun <sic!> pour le soulager! depuis quelques jours un grand mieux s'est produit — les crises ont cessé comme par enchantement, il peut se tourner tout seul dans son lit, dormir sans secours de calmants violants, bouger de droite à gauche, ce qui ne lui était pas arrivé depuis bien longtemps; aussi il se trouve *dans le paradis* et nous avec lui, car c'est navrant de voir souffrir aussi un être si bon et qu'on aime tant.^b L'hiver a été bien triste pour nous tous car mon pauvre père aussi a été bien souffrant et encore maintenant il est bien faible et a bien de la peine à reprendre le dessus — à son âge tout devient bien sérieux; nous espérons dans le beau temps et le bon air de Bougival où l'on ira dès que l'état des deux pauvres malades le permettra — mais quand? voilà une question encore sans réponse pour le moment. La vie de la pauvre maman n'est pas gaie, je vous assure, et la pauvre maison de la rue de Douai, transformée ainsi en hôpital, manque aussi tout-à-fait de gaieté! Claudie¹ et moi y passons tout notre temps disponible, car je ne suis plus domiciliée ici, mais dans mon appartement 2, rue de Châteaudun, où l'ex-mademoiselle Viardot possède de mari et bébé, s'il vous plaît! voilà deux ans que je me nomme Madame Alphonse Duvernoy² et un an que je suis maman d'une gentille petite Suzanne.³ Vous voyez qu'il y a du neuf dans ma vie, mais étant la plus heureuse personne du monde, ce changement n'a été que très agréable!

Je suis bien heureuse d'avoir pu vous donner de meilleures nouvelles du malade,⁴ chère Mademoiselle, et j'espère que mon bulletin vous trouvera en bon santé. Pourvu que ce *mieux* soit sérieux, mais comme le mal de notre pauvre ami est un composé de névralgie et de goutte, les médecins ne répondent pas de la guérison complète.^c Espérons et patientons.

Ne reviendrez-vous jamais de nos côtés, faire la connaissance des nouveaux membres de la famille? Je serai enchantée de vous revoir. En

^a Далее текст помечен крестиком и отчеркнут на полях красными чернилами до слов: *L'hiver a été bien triste...*

^b Далее текст письма зачеркнут до слов: *Pourvu que ce mieux soit sérieux...*

^c Далее текст письма зачеркнут. Оставшийся незачеркнутым фрагмент отмечен в начале и конце красными чернилами.

attendant, chère Mademoiselle Hélène, recevez les meilleures amitiés de votre dévouée

Marianne Duvernoy.

Je vous écris de chez maman qui me charge de mille bons souvenirs.

Paris le 6 April ⁴

50. RUE DE BOURG

Chère Mademoiselle Hélène

✕
Heureusement que je n'ai pas pu répondre de suite à votre lettre, car à ce moment les nouvelles du pauvre Tourquen effussent été peu réjouissantes ! il vient de passer deux mois horribles, en proie à de continuelles et violentes souffrances, et je vous assure que nous étions profondément affligés de voir notre pauvre ami dans le triste état sans pouvoir aucun jour le soulager!

Письмо Марианны Дювернуа к Е. И. Бларамберг
от 6 апреля 1883 г.
Первая страница

Дорогая мадемуазель Элен.

Хорошо, что я не могла ответить на ваше письмо, потому что в настоящее время известия о бедном Тургеневе были бы малоутешительны! он провел два ужасных месяца в постоянных и жестоких страданиях, и уверяю вас, мы были глубоко огорчены, видя нашего бедного друга в таком печальном положении, не будучи в состоянии хоть чем-то облегчить его! вот уже несколько дней как произошло серьезное улучшение — приступы прекратились, как по волшебству, он может самостоятельно поворачиваться в постели, спать без помощи сильных успокаивающих лекарств, поворачиваться направо и налево, чего с ним давно уже не случалось; таким образом, он находится *в раю*, и мы вместе с ним, потому что видеть такие страдания человека, столь доброго и столь любимого, очень тяжело. Зима была весьма печальной для всех нас, потому что мой бедный отец тоже сильно болел, и теперь он еще очень слаб и поправляется с трудом, в его возрасте все становится довольно серьезным; мы надеемся на хорошую погоду и свежий воздух Буживаля, куда мы поедем, как только позволит состояние обоих бедных больных, но когда? На этот вопрос пока нет ответа. Жизнь бедной татап не весела, поверьте, и в несчастном доме на улице Дуэ, превращенном в больницу, совсем нет веселья. Мы с Клоди¹ проводим здесь все свободное время, так как я живу уже не здесь, а в моей квартире на улице Шатодэн, 2, где у бывшей мадемуазель Виардо есть муж и малышка, если вам угодно! Вот уже два года, как я замужем за Альфонсом Дювернуа,² и год, как стала мамой прелестной маленькой Сюзанны.³ Как видите, в моей жизни есть перемены, но это очень приятные перемены, так как они сделали меня счастливейшим человеком в мире!

/ Я рада, что могла дать более благоприятные известия о больном,⁴ / дорогая мадемуазель, и надеюсь, что мой бюллетень найдет вас в добром здравии. / Лишь бы только это *улучшение* было серьезно, но так как недуг нашего бедного друга состоит из невралгии и подагры, то доктора не рвутся за полное выздоровление. / Будем надеяться и терпеливо ждать.

Не возвратитесь ли вы когда-нибудь в наши края, чтобы познакомиться с новыми членами семьи? Буду рада вас повидать. А пока, дорогая мадемуазель Элен, примите наилучшие пожелания от преданной вам

Марианны Дювернуа.

Я пишу от татап, которая поручает мне передать вам тысячу приветов.

Публикуется по подлиннику: ОРФ ГЛМ. Ф. 3. Оп. 1. № 63. Л. 1–3 об.

¹ Клоди Шамро (Chamerot; 1852–1914) — дочь Полины и Луи Виардо.

² Виктор Альфонс Дювернуа (Duvernoy; 1842–1907) — композитор, пианист, профессор парижской Консерватории. Свадьба Марианны и Альфонса Дювернуа состоялась 5 апреля 1881 г.

³ Сюзанна Дювернуа (в замуж. Боле (Beaulieu); р. 1882) — дочь Марианны и Альфонса Дювернуа.

⁴ Речь идет о Тургеневе.

5 мая 1883 г. Буживаль

«Les Frênes», Bougival.
Le 5 mai.

Chère Mademoiselle,

La marque de sympathie que vous m'avez donné par votre aimable lettre m'a été très sensible, je vous assure, et je viens vous en exprimer tous mes remerciements.

Oui, nous venons d'être bien cruellement frappés, et la perte de notre cher père¹ est un grand malheur pour nous tous. — Mais la plus à plaindre est notre pauvre maman qui se voit séparée de son inséparable compagnon après 43 ans de ménage parfait! c'est bien dur! heureusement qu'elle est vaillante comme toujours et qu'elle supporte cette triste séparation avec beaucoup de courage — notre consolation est que notre cher papa s'est éteint doucement, sans appréhension, sans souffrance aucune et sans connaissance — c'est une fin semblable qu'il faut souhaiter à tous ceux qu'on aime — mais la séparation n'en est pas moins cruelle dans le moment.

Nous voilà tous réunis ici auprès de notre cher malade Tourguéneff qui est toujours bien mal — cependant il y a plutôt *un peu* de mieux depuis quelques jours, mais malheureusement les rechutes sont toujours à craindre. La chaleur va-t-elle avoir le même heureux résultat que l'été dernier? c'est ce que nous espérons et souhaitons de tout notre cœur — malgré tous nos soins pleins de toute l'affection que nous avons pour lui, ces souhaits sont à peu près tout ce que nous pouvons faire pour lui — quelle cruelle maladie et quel pauvre martyr cela fait! <?>

Vous comprenez qu'avec notre chagrin et notre souci, nous ne soyons pas d'humeur bien gaie, chère Mademoiselle; enfin c'est toujours bien bon d'être tous réunis et de voir pousser et rire ces trois gentilles fillettes, mes deux nièces² et ma petite Suzanne, qui, elles au moins, n'ont pas d'idées noires et reposent agréablement les yeux et l'esprit.

Et maintenant, chère Mademoiselle, excusez meine Schreiberei <?>^a (il fait tellement atrocement chaud que les idées fondent et que les mains peuvent à peine se mouvoir!). Recevez de nouveau mes remerciements et croyez, je vous prie, à mes^b bien affectueux sentiments de votre dévouée

Marianne Duvernoy.

^a мою писанину (нем.).

^b Окончание письма записано на полях первой страницы.

Дорогая мадемуазель,

поверьте, я была очень тронута знаком симпатии, которую вы мне засвидетельствовали своим любезным письмом, и благодарю вас за это.

Да, нас постигло ужасное горе, кончина моего дорогого отца¹ — большое несчастье для всех нас. Но более всего жалко нашу бедную маман, которая лишилась своего неразлучного спутника после 43 лет счастливого супружества! Это очень тяжело! К счастью, она, как всегда, мужественна и переносит эту печальную разлуку с большим самообладанием. Наше утешение в том, что наш дорогой отец отошел тихо, без боязни, без всякого страдания и без сознания. Подобного конца следует пожелать всем, кого любишь. Но от этого разлука сейчас не менее тяжела.

/ Мы все теперь собрались около нашего дорогого больного Тургенева /, которому по-прежнему плохо — тем не менее в последние дни ему скорее *немного* лучше, хотя, к сожалению, приступы могут возвратиться. Не принесет ли жара облегчения, как в прошлом году? Это то, на что мы надеемся и чего желаем от всего сердца — несмотря на все наши заботы, вызванные любовью к нему, пожелания — это едва ли не единственное, что мы можем дать ему — какая жестокая болезнь и какие она причиняет страдания! <?>

Вы понимаете, дорогая мадемуазель, что с нашим горем и заботами мы не в очень веселом расположении духа. Однако хорошо все же быть всем вместе и видеть, как возятся и смеются три милые девчурки — мои две племянницы² и моя маленькая Сюзанна, у них, по крайней мере, нет черных мыслей, на них приятно смотреть и с ними отдыхаешь душой.

А теперь, дорогая мадемуазель, простите *meine Schreiberei*³ (жара такая ужасная, что мысли плавятся, а руки едва двигаются!). Примите еще раз мою благодарность и верьте самым искренним чувствам преданной вам

Марианны Дювернуа.

Публикуется по подлиннику: ОРФ ГЛМ. Ф. 3. Оп. 1. № 63. Л. 4–5 об.

¹ Луи Виардо скончался 5 мая 1883 г. в Париже.

² Имеются в виду дочери Клоди и ее мужа Жоржа Шамро — Жанна Эдме (в замуж. Декюги (Decugis); 1874–1961) и Марсель Шамро (в замуж. Мопуаль (Mauroil); 1879–1973). Небольшой биографический очерк М. Мопуаль см.: *Cahiers*. N 4 (1980). P. 31–32.

Марсель Мопуаль (Шамро)
Около 1905 г.

³ мою писанину (нем.).

Марианна Дювернуа — Е. И. Бларамберг

18 октября 1883 г. Буживаль

«Les Frênes», Bougival.

Le 18 octobre 83.

Excusez-moi, chère Mademoiselle, d'avoir tant tardé à répondre à votre aimable lettre — je ne sais comment le temps a passé, mais notre grande tristesse et les mille préoccupations et occupations survenues à la suite de la fin de notre cher ami ont absolument rempli et absorbé notre existence. Nous sommes encore sous le coup de cette perte cruelle et ne pouvons nous habituer à la pensée que c'est à jamais qu'il faut renoncer à revoir ce bon et cher ami, que nous aimions si tendrement, et qui nous le rendais si bien! L'idée d'avoir pu l'entourer et le soigner jusqu'à sa mort est une faible consolation pour nous; mais cette mort qu'il appelait depuis si longtemps et qui l'a délivré de ses souffrances *indiscibles* n'en est pas moins horrible pour nous, et le vide qu'il laisse après lui, est immense et ne sera jamais comblé! Vraiment cette année est bien cruelle pour nous et pour notre pauvre maman particulièrement qui perd en si peu de temps ses deux meilleurs et chéris amis, et qui n'a pas comme nous, une autre vie et un autre intérêt dans nos maris et nos enfants! Elle est bien à plaindre et bien abattue! Nous sommes encore ici pour quelque temps, ayant peine à quitter ces Frênes, que nos deux chers défunts aimaient tant, et qui, maintenant, sont remplis d'une foule de doux et tristes souvenirs! J'ai toujours de la peine à entrer dans le chalet, où notre pauvre T<ourguéneff> a tant et tant souffert, et où nous passions de bien tristes journées, navrés de ne pouvoir que peu soulager ces tortures! Il n'a cessé de souffrir que les trois derniers jours, perdant en même temps conscience, peureusement, car j'espère et crois qu'il n'a pas vu venir la mort si proche et si rapide — il s'est subitement et doucement éteint — entre deux soupirs — nous étions tous autour de lui, et n'oublierons jamais ce moment suprême! Il était d'une beauté *merveilleuse* sur son lit de mort, sa belle figure si maigre et si changée avait repris l'air calme et *souriant* de son vivant...

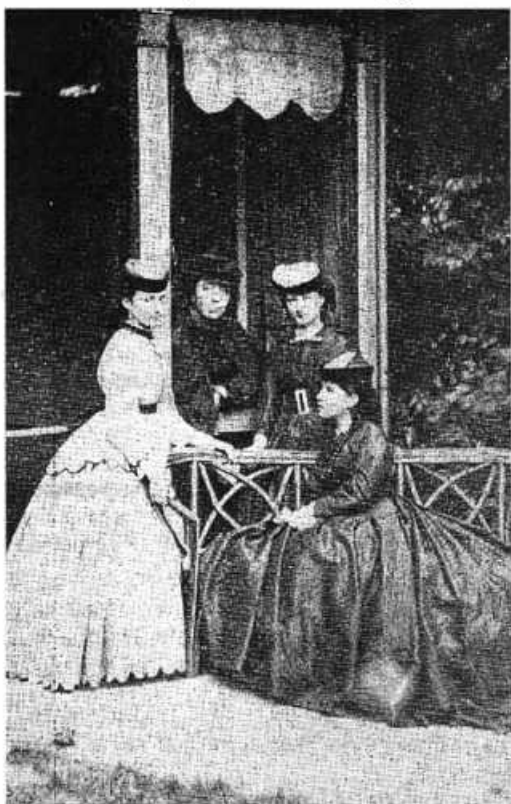
Nous sommes heureux de pouvoir garder un souvenir aussi serein de ses chers traits que nous avons vu si souvent contractionnés par la douleur! Maintenant il repose en paix dans son pays, qu'il aimait tant, mais ici il laisse un souvenir profond et inéffaçable, car personne ne l'a connu et aimé comme nous et ne le pleurera aussi longtemps.

Encore une fois excusez, je vous prie, le temps que j'ai mis à vous répondre, et croyez, cher Mademoiselle Hélène, aux sentiments affectueux que vous garde votre dévouée

Marianne Duvernoy.

«Ясени», Буживаль.
18 октября 83.

/ Простите, дорогая мадемуазель, что я так долго не отвечала на ваше любезное письмо. Не знаю, как протекло время, но наша большая печаль и тысяча забот и дел, последовавших за кончиной нашего дорогого друга, безусловно, поглотили и наполнили наше существование. Мы находимся еще под гнетом этой жестокой утраты и не можем привыкнуть к мысли, что навсегда должны отказаться от мысли увидеть вновь этого доброго дорогого друга, которого мы так нежно любили и который в свою очередь так нас любил. Мысль, что мы могли окружить его заботами до самой его смерти, — слабое утешение для нас. Но эта смерть, которую он призывал так давно и которая освободила его от невыразимых страданий, не менее для нас ужасна; и пустота, которую он оставил после себя, неизмерима и никогда не будет наполнена! / В самом деле, этот год очень тяжелый для нас, особенно для бедной маман, за короткое время потерявшей двух лучших и любимых друзей и, в отличие от нас, не имеющей другой жизни и другого интереса, какой имеем мы в наших мужьях и детях! Ее очень жаль, и она совсем пала духом! / Мы проживем здесь

Полина Виардо в окружении дочерей — Марианны (слева) и Клоди (справа)
Баден-Баден, 1870 г.
(Из коллекции Жанны Гупий)

еще некоторое время, не имея духа покинуть Ясени, которые наши оба дорогих усопших так любили и которые теперь наполнены грустными сладостными воспоминаниями! Мне всегда тяжело входить в шале, где наш бедный Т<ургенев> так сильно страдал и где мы проводили такие печальные дни, приходя в отчаяние, что так мало в состоянии облегчить его муки. Он перестал страдать только последние три дня, в то же время потеряв сознание, к счастью, так как я надеюсь и верю, что он не видел приближения смерти, столь близкой и быстрой. Он внезапно и тихо скончался в промежутке двух вздохов. Мы все были около него и никогда не забудем этой торжественной минуты.

Он был *дивной* красоты на своем смертном одре. Его прекрасное лицо, столь похушевшее и изменившееся, приняло выражение спокойствия и *улыбки*, как при жизни...

Мы счастливы, что имеем возможность хранить столь светлое воспоминание о его дорогих чертах, которые мы видели так часто искаженными страданием. Теперь он мирно покоится в своей стране, которую он так любил, но здесь он оставил глубокое и неизгладимое воспоминание, ибо никто его так не знал, как мы, и никто не будет его так долго оплакивать. /

Еще раз простите, что так долго не отвечала вам, и примите заверения в искренней привязанности преданной вам

Марианна Дювернуа.

Публикуется по подлиннику: *ОРФ ГЛМ*. Ф. 3. Оп. 1. № 63. Л. 6–7 об. Текст письма перечеркнут, на полях отчеркнут красными чернилами.

Именно это письмо спустя четыре года после первой публикации привел Н. М. Гутьяр в своей статье «Иван Сергеевич Тургенев и семейство Виардо-Гарсиа», появившейся в августовской книжке «Вестника Европы» за 1908 год.⁵ Вскоре после выхода журнала разразился скандал, о котором свидетельствует переписка, сохранившаяся в архиве Е. И. Апрелевой: узнав о статье Гутьяра, Марианна Дювернуа заявила о фальсификации ее писем.

О реакции М. Дювернуа Апрелева узнала из нижеследующего письма к ней М. М. Стасюлевича:

М. М. Стасюлевич — Е. И. Апрелевой

12 января 1909 г. Петербург

СПб. Галерная, 20.
12 янв<аря> 909.

Милостивая государыня
Елена Ивановна.

Получив сегодня Ваш адрес от В. М. Соболевского, редактора «Русских ведомостей», спешу воспользоваться им и обратиться к Вам со следующей просьбою.

⁵ *ВЕ*. 1908. № 8 (Август). С. 417–460. Письмо было воспроизведено по публикации из «Русских ведомостей» на с. 433–434. Предваряя его, Гутьяр писал: «Надо прочесть письма Марианны к Е. Ардову о болезни и смерти Ивана Сергеевича, чтобы видеть, как искренно и горячо отвечала она на любовь старика» (Там же. С. 433).

В начале 1904 года Вы сообщили той газете в русском переводе письма к Вам о Тургеневе г-жи Дювернуа-Виардо, а самое сообщение подписали Вашим псевдонимом (Ардов); одним из этих писем воспользовался автор одной статьи в «Вестнике Европы», помещенной в июле прошедшего 1908 года. Тогда же m-me Duvernoy — дочь Полины Виардо, обратилась ко мне с протестом, утверждая, что эти письма — контрфакции, что она их никогда не писала и г-на Ардова вовсе не знает. Без сомнения, тут кроется какое-то недоразумение, и это недоразумение Вы одна можете объяснить. Я, со своей стороны, присоединил к письму г-жи Дювернуа свои догадки, но Ваше объяснение одно может решить дело окончательно. Да и Вы, конечно, пожелаете защитить г-на «Ардова» от публичного обвинения его со стороны г-жи Дювернуа. Письмо ее по ее же требованию было напечатано в недавно вышедшей январской книжке «Вестника Европы» (издаваемого с нынешнего года под другою редакцией, но Вас я просил бы дать ответ, если найдете нужным, на мое имя: Мих<аилу> Магв<еевичу> Стасюл<евичу>, СПб. Галерная, 20).

Примите уверение в должном почтении и преданности

М. Стасюлевич.

На всякий случай сообщаю адрес г-жи Дювернуа: M-me Marianne Duvernoy. Paris — 14, rue Ampère (17-е).

Прилагаю также оттиск из январской книги 1909 с письмом М. Дювернуа.

Публикуется по подлиннику: *ОРФ ГЛМ*. Ф. 3. Оп. 1. № 97. Л. 1–2.

В указанном оттиске помещена заметка М. М. Стасюлевича, озаглавленная «Письмо г-жи Марианны Дювернуа-Виардо», где рассказывается о публикации писем в газете «Русские ведомости» и о статье Н. М. Гутьяра.⁶ Затем приводится текст письма М. Дювернуа к М. М. Стасюлевичу как редактору журнала «Вестник Европы» в русском переводе:

Париж, 14 декабря 1908. М<илостивый> г<осударь>, я узнала от г-на Гальперина-Каминского, что г-н Гутьяр поместил в «Вестнике Европы» статью, касающуюся нашего друга, столь дорогого нам Тургенева; в этой статье г-н Гутьяр воспроизводит одно, будто бы мое, письмо, адресованное к какому-то господину Ардову и опубликованное, по-видимому, вместе со многими другими письмами в «Русской газете» (так автор письма называет «Русские ведомости», где действительно были напечатаны такие письма) в январе 1904 года; о письме, которое воспроизведено г-ном Гутьяром, говорится как о наиболее *характерном* среди тех, которые я писала г-ну Ардову. Я никогда ничего не писала г-ну Ардову, которого я не знаю даже по имени, и ни к кому другому в России, где я никогда не была. Желая оградить себя от каких-нибудь других фантастических публикаций, я буду весьма признательна вам,

⁶ *ВЕ*. 1909. № 1 (Январь). С. 438–439.

М. М. Стасюлевич

Естественно, что, получив данное письмо, Е. И. Апрелева немедленно написала два ответных, одно Стасюлевичу, другое — М. Дювернуа. Черновики обоих писем сохранились в ее архиве. Первое адресовано Стасюлевичу:

Е. И. Апрелева — М. М. Стасюлевичу

14 января 1909 г. Гатчина

Гатчина, 14 января 1909 г.

Милостивый государь Михаил Матвеевич! В ответ на Ваше письмо, полученное вчера с вечерней почтой, спешу сообщить Вам, что я не видела еще январской книжки «Вестника Европы» и потому только из присланного Вами мне оттиска заметки, помещенной в этом журнале, познакомилась с письмом г-жи Марианны Дювернуа-Виардо.

Возникшее недоразумение я имею возможность разъяснить, прилагая в подлиннике три письма ко мне г-жи Марианны Дювернуа и мою статью, напечатанную в «Русских ведомостях», в конец которой вошли — не целый ряд писем г-жи М. Дювернуа, как то сказано в заметке, а выдержки всего из трех имеющихся у меня от нее писем.

если вы сообщите вашим читателям, что письма, опубликованные и приписанные мне, — апокрифические письма. Благодарю вас вперед и прошу верить и т. д. Марианна Дювернуа-Виардо.⁷

Далее в заметке приводится французский текст письма и высказывается предположение, что М. Дювернуа не знала псевдонима Е. И. Апрелевой и отсюда все недоразумения. «Во всяком случае, — заключал Стасюлевич, — желательно было бы знать, как же следует относиться к этому замечательному письму, писанному, нет сомнения, очевидцем последних часов и даже минут жизни Ивана Сергеевича, стоявшим у постели умирающего <...>. Оно особенно замечательно и вместе дорого потому, что нигде с такою полнотою и ясностью не высказалось отношение семьи Виардо-Гарсиа к Тургеневу, как именно в этом письме <...>».⁸

⁷ ОРФ ГЛМ. Ф. 3. Оп. 1. № 97. Л. 3.

⁸ ВЕ. 1909. № 1 (Январь). С. 439.

Первые два письма, от 6 апреля и 5 мая н. ст. 1883 г., были адресованы в Севастополь, а последнее, от 18 октября н. ст. того же года, — в Орловскую губернию, но не г-ну Ардову, которого г-жа Марианна Дювернуа несомненно не знает, а Елене Ивановне Бларамберг — моя фамилия до замужества.

Выдержки из этих писем, полученных мною в ответ на мою просьбу сообщить о ходе болезни Тургенева, я считала ценными для нас, его соотечественников, и, безусловно, лестными для семейства Виардо и, в частности, для г-жи Марианны Дювернуа, проявившей столько сердечности, такое глубокое горе при кончине друга ее семьи.

Письма касаются исключительно Ив. С. Тургенева в последние дни и часы его тяжких, мучительных страданий, ни на кого не набрасывают тени, а самого автора писем рисуют в таком симпатичном свете, что вызванное моими выдержками неудовольствие я объясняю ее сомнением в подлинности этих выдержек за подписью неизвестного г-же Марианне Дювернуа Ардова. А отрицание возможности существования самих писем — давностью лет.

Двадцать пять лет — значительный промежуток времени, в течение которого можно забыть и письма, которые писались в момент сильного горя, и куда, и кому они были посланы.

Считаю своим долгом после всего вышесказанного ознакомить вас и с содержанием моего письма к г-же Марианне Дювернуа, отправляемого мною в Париж по данному мне Вами адресу. Прошу Вас принять и т. д.

Е. Ардов-Апрелева.

Публикуется по подлиннику: *ОРФ ГЛМ*. Ф. 3. Оп. 1. № 31. Л. 1–2.

Это разъяснительное письмо Апрелевой (за исключением первого абзаца) вместе со своими заверениями в подлинности писем М. Дювернуа Стасюлевич опубликовал в февральской книжке «Вестника Европы» за 1909 год.⁹ «Почерк и подпись доставленных мне в оригинале писем г-жи Дювернуа к г-же Бларамберг, в замужестве — Апрелевой (псевдоним — Ардов), — заключал Стасюлевич в этой заметке, — при сравнении их с почерком и подписью г-жи Дювернуа на последнем письме ко мне, от 14-го декабря 1908 г., оказались совершенно тождественными, вследствие чего протест г-жи Дювернуа является результатом простого недоразумения. Ее письма к г-же Апрелевой — не апокрифические: благодаря им мы имеем единственное и самое подробное описание не только последнего дня, но последних часов жизни Ивана Сергеевича Тургенева».¹⁰ Е. И. Апрелевой же он немедленно ответил следующим письмом:

⁹ Стасюлевич М. Ответ Ел. Ив. Апрелевой по поводу протеста г-жи Марианны Дювернуа-Виардо // *ВЕ*. 1909. № 2 (Февраль). С. 892–893. Оттиск этой заметки Стасюлевич прислал Е. И. Апрелевой со следующей припиской: «Милостивая государыня Елена Ивановна. Благодарю Вас за письмо от 28 января и препровождаю вырезку из февральской книжки журнала, который выйдет в свет послезавтра, в воскресенье, 7 февраля. Считаю дело исчерпанным и доказанным. М. Стасюлевич» (*ОРФ ГЛМ*. Ф. 3. Оп. 1. № 97. Л. 9–10).

¹⁰ Стасюлевич М. Ответ Ел. Ив. Апрелевой по поводу протеста г-жи Марианны Дювернуа-Виардо. С. 893.

М. М. Стасюлевич — Е. И. Апрелевой

16 января 1909 г. Петербург

СПб. Галерная, 20.
16 янв<аря> 909.

Милостивая государыня Елена Ивановна.

Будущий биограф Ив<ана> Серг<еевича> будет Вам очень благодарен за то, что получит право считать письма г-жи Дювернуа к Вам, несмотря на отрицание их автора, несомненным историческим документом. Это — очевидное недоразумение, которое окончательно рассеется, когда m-me D<юверну> ответит Вам или мне на мое письмо к ней, где я извещаю ее о том, что «Ардов» есть псевдоним Ваш, но я не знал — Ваша настоящая фамилия — есть ли она девическая или фамилия мужа; теперь она узнает и это.

Принося Вам признательность со своей стороны за скорый ответ и разъяснение дела, остаюсь с истинным почтением и преданностью

М. Стасюлевич.

Прилагаю почтовую расписку: я для верности послал Ваше письмо заказным — сегодня.

Публикуется по подлиннику: *ОРФ ГЛМ. Ф. 3. Оп. 1. № 97. Л. 5.*

Почтовая расписка, о которой упоминает Стасюлевич, сохранилась. Она написана на бланке почтамта, на котором стоит штамп с датой: 16 января 1909 г.

938 M-me Duvernoy 16 янв<аря> 09.

С.-Петербургского почтамта расписка в приеме заказной корреспонденции
В Paris.

Публикуется по подлиннику: *ОРФ ГЛМ. Ф. 3. Оп. 1. № 97. Л. 6.*

Что же писала Е. И. Апрелева Марианне Дювернуа в письме, посланном заказным в Париж?

Е. И. Апрелева — Марианне Дювернуа

14 января 1909 г. Гатчина

Гатчина, 14/27 января 1909.

Мадам!

Я только что получила от господина Стасюлевича его заметку, напечатанную в «Вестнике Европы», где приводится Ваше письмо по поводу господина Ардова и фрагментов писем, использованных последним

в его статье, опубликованной в «Русских ведомостях» — ежедневном издании — в 1904 году.

Конечно, Вы не знакомы с господином Ардовым, но Вы когда-то прежде были знакомы с мадемуазель Еленой Бларамберг, впоследствии мадам Апрелевой, и именно ей были адресованы указанные письма.

Публикуя двадцать один год спустя после кончины Тургенева несколько отрывков из Ваших писем — я получила только три письма с одними лишь подробностями о болезни и смерти Тургенева, — я не считала, что допустила бестактность.

Эти волнующие подробности были бесценны для нас, соотечественников писателя, столь дорогого нам, и содержали всё только самое лестное как для автора писем, так и для семьи Виардо.

Я бесконечно сожалею, мадам, что огорчила Вас, но при всем моем сожалении я не чувствую за собой вины.

В факте моей публикации отрывков из писем, касающихся последних мгновений жизни Тургенева, я не усматриваю отсутствия деликатности или уважения к Вам, которого Вы заслуживаете.

Те три письма, что Вы, оказав мне честь, написали 25 лет тому назад, любезно согласившись на мою просьбу предоставить мне новости о Тургеневе, в данный момент находятся у господина Стасюлевича.

Примите, мадам, заверения в моем самом искреннем расположении.

Е. Ардов.

Елена Апрелева, урожденная Бларамберг.

Мой адрес: С. Петербург, Гатчина, Константиновская, 12.

Елене Ивановне Апрелевой.

Публикуется по подлиннику: ОРФ ГЛМ. Ф. 3. Оп. 1. № 25.

Печатается впервые.

Ответом на это письмо Апрелевой стало следующее письмо М. Дювернуа:

Марианна Дювернуа — Е. И. Апрелевой

4 февраля 1909 г. Париж

Paris, le 4 février.

14, rue Ampère.

Madame,

J'ai été certes très étonnée d'apprendre par votre lettre que monsieur Ardoff et mademoiselle Blaramberg étaient la même personne!

Je me souviens parfaitement de M-elle Hélène Blaramberg, mais j'avoue que je ne me souviens pas du tout lui avoir écrit plusieurs lettres des Frênes, ou d'ailleurs.

Paris, le 4 février¹⁹⁰⁹
14 rue Ampère

Madame,

J'ai été certes très-
étonnée d'apprendre par
votre lettre que mon
Ardoff et mademoiselle
Blaramberg étaient la
même personne!

Je me souviens parfai-
tement de m^{lle} Hélène
Blaramberg, mais j'avoue
que je ne me souviens

Письмо Марианны Дювернуа к Е. И. Апреловой
от 4 февраля 1909 г.
Первая страница

Cependant je ne puis douter de votre parole, Madame — — — mais je regrette quand même que vous ayez publié des lettres de moi sans m'en avoir avisée préalablement; j'ai horreur d'une correspondance particulière livrée à la publicité.

L'incident étant donc clos, je vous prie Madame de recevoir l'assurance de ma parfaite considération.

Marianne Duvernoy.

С французского:

Париж, 4 февраля.
Улица Ампер, 14.

Мадам,

разумеется, я весьма удивилась, узнав из вашего письма, что месье Ардов и мадемуазель Бларамберг — это одно и то же лицо!

Я отлично помню м-ль Элен Бларамберг, но, признаюсь, совсем не помню, что написала ей несколько писем из «Ясеней» или из какого-либо другого места.

Однако я не могу сомневаться в ваших, мадам — — —, уверениях но все же сожалею, что вы опубликовали мои письма, предварительно не уведомив меня об этом; меня приводит в ужас частная переписка, предаваемая гласности.

Итак, инцидент исчерпан, и я прошу вас, мадам, принять уверения в моем почтении.

Марианна Дювернуа.

На конверте:

Russie.
Madame Aprèlèff-Blaramberg.
Gratschina <sic!>,
Saint-Pétersbourg.

Внизу карандашом: Гатчина.
Почтовый штемпель: 5.2.09.

Публикуется по подлиннику: *ОРФ ГЛМ*. Ф. 3. Оп. 1. № 63. Л. 8–9.
Печатается впервые.

Точку в этой истории ставит письмо М. М. Стасюлевича к Апрелевой от 30 января 1909 года, в котором, в частности, говорится: «...сегодня я получил Ваше письмо от 29 янв<аря>, значит, и Вы могли теперь получить вырезку из февральской книжки журнала <где были помещены разъяснения Е. И. Апрелевой. — Е. В.>, который выйдет в свет послезавтра. Вместе с тем возвращаю теперь и оригинал письма к Вам от г-жи Д<ювернуа>; я ни малейше не сомневался в точности Вашей его передачи. <...> Г-жа М. Дювернуа тоже считает «инцидент» исчерпанным, и нам остается только согласиться с нею».¹¹

¹¹ *ОРФ ГЛМ*. Ф. 3. Оп. 1. № 97. Л. 7–8.